

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Татьяна Владимировна Летута*

Развитие института третейского разбирательства как условие повышения правовой культуры**

В 2014 году, объявленном годом культуры в Российской Федерации, вопросы повышения уровня правовой культуры звучат особенно актуально. Большое значение данная проблема приобретает в связи с проводимыми и планируемыми в последние годы реформами гражданского законодательства, судебной системы, третейского разбирательства. Разработанный по поручению В. Путина проект закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее по тексту — законопроект) направлен на совершенствование правового регулирования института арбитража.

Целью настоящего исследования является оценка современного состояния и перспектив развития арбитража в России с учетом положений законопроекта в контексте развития правовой культуры. Для достижения поставленной цели применим определение правовой культуры, предложенное В. В. Загородским: «Правовая культура — это качественное состояние правовой жизни общества, характеризующееся уровнем развития источников права, законодательной и правоприменительной деятельности и уровнем правового развития субъектов правоотношений»¹. Таким образом, понятие правовой культуры образуют две составляющие: правотворческий, правоприменительный уровень развития и уровень правового развития субъектов. Как первая, так и вторая составляющая взаимозависимы и обуславливают развитие друг друга. Чем выше уровень развития правовой культуры субъектов, тем выше уровень законотворчества и правоприменения, и наоборот. В свою очередь, время формирования правовой культуры населения зависит от эффективности реформ правовой системы.

С определенной долей условности можно сказать, что правотворческий, правоприменительный уровень развития — это правовая идеология, а уровень правового развития субъектов — правовая психология, поскольку «осмысленная и одобренная личностью правовая норма... определяет правовые воззрения... представления об идеальном правовом регулировании»². Как показывают результаты

* Доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor of Civil Law and Process Department, Orenburg State University, Candidate of Juridical Science.

E-mail: ltv10@mail.ru.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Оренбургской области (проект № 14-13-56003).

¹ Загородский В. В. Правовая культура в контексте прав человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 8.

² Щербакова Н. В. О сущности правовой установки личности // Актуальные проблемы индивидуально-типологических особенностей личности в обществе : материалы научных статей. Оренбург, 2010. С. 243.

социологических исследований, только около 4 % жителей России отмечают высокий уровень своей осведомленности в правовых вопросах. 93,7 % указывают на обладание поверхностными знаниями в области права. Это косвенно означает, что подавляющее большинство россиян не в состоянии усвоить нормы законодательства, не успевают прочесть и осмыслить нововведения. В таких условиях проведение правовых реформ не способствует развитию правовой культуры.

В то же время правовое регулирование третейского разбирательства требует своего совершенствования, поскольку не отражает в полной мере его основного предназначения. Правовой статус третейского суда и выносимых им решений не определен. Третейский суд не является юридическим лицом, арбитры не состоят с судом в трудовых отношениях. Арбитраж может создаваться любым юридическим лицом, но при этом не является ни филиалом, ни представительством, ни структурным подразделением, ни органом создавшего данный суд юридического лица. Третейский суд должен «так же», как и государственный суд, разрешать спор, однако он не рассматривается законодателем как особый субъект процессуального и материального права, наделенный дополнительными возможностями по сравнению с иными субъектами третейского разбирательства и субъектами других альтернативных процедур. Процедура третейского разбирательства также нуждается в законодательной конкретизации. Так, например, большие трудности на практике вызывают споры между сторонами, которые не включили в третейское соглашение указание об окончательности решения третейского суда. Учитывая, что законодательство не содержит норм, запрещающих принятие по рассмотренному делу еще одного, «нового» решения третейского суда, отменяющего прежнее, арбитражные суды фактически констатируют возможность существования по делу нескольких третейских решений, противоположных по существу и не ограниченных сроками их вынесения.

В целях достижения компромисса между целесообразностью изменения правовой основы деятельности арбитража и необходимостью повышения правовой культуры важно найти тот стержень, который позволит обществу и каждому гражданину, даже в условиях реформирования, принять нововведения, согласиться с ними, понять их предназначение.

Отрицание права как социального института и правовых норм в частности (правовой нигилизм) особенно остро проявляется, когда интересы граждан вступают в противоречие с законом. Следовательно, вопрос о повышении правовой культуры каждого гражданина и населения в целом должен решаться законодателем с учетом «неустранимого природного фактора — эгоизма личности, вытекающего из инстинкта самосохранения»¹, иными словами, из инстинкта охраны и защиты своих прав и интересов. Здесь ключевое значение имеют вопросы формирования оптимального развития разных форм, как юрисдикционных, так и неюрисдикционных, средств, способов защиты, ибо «всякое право, которое не сопровождается доступными и эффективными средствами защиты, утрачивает свою привлекательность»².

Исходя из представленных рассуждений, повышение правовой культуры невозможно без создания действенных правовых механизмов защиты прав

¹ Альбов А. П., Масленников Д. В., Сальников М. В. Русская философия права. СПб., 1999. С. 357.

² Бушев А. Ю., Скворцов О. Ю. Акционерное право. Вопросы теории и судебно-арбитражной практики. М., 1997. С. 79.

и законных интересов субъектов. В рассматриваемом контексте правовое регулирование юрисдикционной формы защиты, к которой, по мнению М. А. Рожковой, относится не только государственный, но и третейский суд, должно играть решающую роль. Суд, «независимый от внешних и случайных влияний и пользующийся общественным доверием, есть... одно из величайших благодетелей, какое только может доставить государство своему гражданину»¹. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в рейтинге доверия основным политическим и государственным институтам государственная судебная система устойчиво занимает лишь 9-10 место из 14. В то же время уровень доверия представителей российского юридического и бизнес-сообщества к третейскому институту составляет 6,3 балла из 10 возможных. Приведенные данные отражают потребность общества в развитии третейского суда как негосударственного института, способного оказывать нравственно-воспитательное влияние на общество. Возможность оказывать такое влияние подтверждается сущностью третейского разбирательства. Исторически третейские суды зародились как альтернатива судам государственным, притом конкурентные преимущества третейских судов основывались на том, что судьи были «избираемы из честнейших и умнейших граждан»², избирались по «взаимному согласию сторон»³. Государство оставляло за собой лишь право надзора за деятельностью судей, не вмешиваясь в третейский процесс. Поскольку третейский суд в Российской империи XVIII–XIX вв. «постановляет решение по совести»⁴ и (или) основывается «на местных обычаях»⁵, становится очевидной значимость выносимых им решений как актов, способных выполнять воспитательные цели.

При гармонично выстроенном подходе государства к созданию правовой базы для арбитража третейский суд становится неотъемлемым условием развития правовой культуры, что обуславливается стойкой уверенностью субъектов в независимости, компетентности и справедливости третейских судей. А. Миклашевский, проведя масштабное исследование становления и влияния на общество арбитража в различных странах в XIX – начале XX в., обратил внимание на тот факт, что статистические данные свидетельствуют об эффективности разрешения промышленных споров в «учреждениях, созданных по собственной инициативе рабочих и предпринимателей»⁶. В советский период правоведа также отмечали положительное влияние на отношения между предприятиями, организациями и учреждениями третейских судов как «форм общественной самодеятельности»⁷.

¹ Джанишев Г. Эпоха великих реформ. Т. 2. (Сер.: Университетская библиотека Александра Погорельского). М., 2008. С. 35.

² Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890–1907. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/102574/%D0%A2%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9 (дата обращения: 10.09.2014).

³ Свод законов Российской империи. 1885–1905. Т. 16 : Законы о судоустройстве. Устав гражданского судопроизводства. СПб., 1885. С. 154.

⁴ Там же.

⁵ Воропанов В. А. Судебные учреждения как фактор общественной эволюции в Оренбургском крае 1775–1866 гг. Челябинск, 2001. С. 42.

⁶ Миклашевский А. Арбитраж и соглашение в промышленных спорах. Юрьев-Дерпт, 1907. С. 87.

⁷ Волин А. А. Разрешение хозяйственных споров третейскими судами. М., 1962. С. 4.

Несмотря на очевидные преимущества и широкое распространение за рубежом, третейские суды не получили должного развития в России. Официальной статистики количества третейских судов и соответственно рассмотренных ими дел не ведется. Используя статистику арбитражных судов, можно судить лишь о количестве рассмотренных арбитражными судами заявлений об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решений третейских судов. Так, от общего количества рассмотренных дел в арбитражных судах первой инстанции в 2005 г. рассмотрено заявлений об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решений третейских судов 23,8 %, в 2006 г. — 7 %, в 2007 г. — 0,4 %, в 2008 г. — 23,6 %, 2010 г. — 7,5 %, 2011 г. — 15,9 %, 2012 г. — 27,9 %, 2013 г. — 3,6 %¹. Как видим, доля таких заявлений относительно невелика, что может свидетельствовать не только об относительно малом количестве споров, рассматриваемых третейскими судами, но и о невысоком проценте уклонения от добровольного исполнения третейских решений и о включении в третейское соглашение условия об окончательности третейского решения, т. е. о невозможности его оспаривания в арбитражных судах.

Так или иначе, при достаточно большом количестве третейских судов на территории России, количество рассматриваемых ими дел ничтожно мало. Одной из причин неэффективности арбитража в России, по мнению ряда исследователей, является чрезмерно демократичный подход законодателя к вопросам создания и деятельности третейских судов. Другие авторы полагают, что отсутствие жесткого контроля со стороны государства в Федеральном законе «О третейских судах», Федеральном законе «О международном коммерческом арбитраже» соответствует природе данного негосударственного института и зарубежной практике.

Видимо отталкиваясь от того факта, что российские граждане всегда «охотно готовы прибегнуть ко всякой системе властного разрешения общественных вопросов»², разработчики законопроекта предложили повысить конкурентоспособность российских арбитражей посредством введения государственного контроля за деятельностью данного института. Так, разрешение на создание арбитража будет выдаваться Министерством юстиции РФ на основании решения межведомственного экспертного совета (ст. 39 проекта). Арбитраж (арбитражное учреждение) будет существовать только в форме некоммерческой организации и учреждаться только некоммерческими организациями. Судебное содействие и контроль будут выражаться, например, в возможности назначения арбитра при определенных случаях (ст. 1 проекта); в возможности принять решение по отводу арбитра в определенных случаях (ст. 2 проекта). Притом такие решения государственного суда не подлежат обжалованию. Возможно ли посредством данных нововведений способствовать упрочнению позиций третейских судов и, как следствие, повышению уровня правовой культуры? Представляется, что введение мер, направленных на усиление государственного контроля со стороны государства в процессе создания и деятельности арбитража, будет противоречить сущности данного института, лишит

¹ См.: Результаты работы арбитражных судов. URL: <http://www.arbitr.ru/press-centr/news/totals/> (дата обращения: 25.10.2014).

² Миклашевский А. Указ. соч. С. 104.

возможности выбора альтернативного разрешения споров, что, в конечном счете, лишь усилит недоверие субъектов к юрисдикционным формам защиты и соответственно негативное отношение к правовым институтам.

Думается, что решение проблемы эффективности третейского разбирательства и, как следствие, повышения уровня правовой культуры, должно быть связано с вопросами более детальной регламентации самой процедуры третейского разбирательства. Для третейских судов необходимо создать условия для саморегулирования на законодательном уровне, при императивном закреплении особого положения третейского суда как участника разбирательства, как субъекта гражданского права, при придании большей значимости решениям третейских судов как актов особого рода.

Возвращаясь к определению правовой культуры, взятому за основу в начале исследования, следует отметить, что высокий правотворческий, правоприменительный уровень развития может достигаться в рассматриваемой области лишь при соответствующем общемировым тенденциям подходе к деятельности третейских судов. Прогрессивные идеи позволяют даже в отношении судей государственных судов формировать фидуциарную теорию судейства, кардинально меняющую подход к пониманию роли судьи в демократическом государстве. Принцип независимости судебной системы, по мнению авторов указанной теории Ethan J. Leib, David L., не позволяет понять истинное назначение судьи. Главная составляющая в определении надлежащего поведения судьи должна состоять не в его обязанностях как представителя государственной власти, а в его ответственности перед членами общества, которые доверили данному лицу осуществление судебной власти. В подобном подходе отчетливо прослеживается необходимость перемещения внимания законодателя с вопросов государственного регулирования на вопросы ответственности представителей государства перед гражданами. Отсюда еще более логичным представляется тот факт, что статус арбитра в третейском суде должен не проверяться государством, а измеряться спросом на арбитражное разбирательство данным арбитром. Арбитражное разбирательство — это не что иное, как услуга гражданско-правового характера, поэтому, чем выше доверие членов общества к конкретному арбитру и арбитражному учреждению, тем большее количество споров будет разрешаться этим арбитром. Авторитет арбитра, особый статус третейского суда — базовые составляющие, способные гарантировать каждому индивиду высокую степень защиты его прав в рамках негосударственного института.

Пристатейный библиографический список

1. Letuta, T. Commercial Arbitration as a Civil Society Institution / T. Letuta // Young Scientist USA. Social science. — 2014. — С. 98–102. — URL: <http://www.youngscientistusa.com/pdf/Book2.pdf>
2. Васин, Г. Н. Правовая культура, ее роль и место в политической системе современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Г. Н. Васин. — М., 2007. — 25 с. — URL: <http://www.dissertcat.com/content/pravovaya-kultura-ee-rol-i-mesto-v-politicheskoi-sisteme-sovremennoi-rossii>.
3. Институт третейского разбирательства в России: мнение юридического сообщества. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114500>.

4. Летута, Т. В. Коммерческий арбитраж в России: тенденции правового регулирования // Ученые записки Тамбовского регионального отделения Российского союза молодых ученых / отв. ред. А. В. Кузьмин. — Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. — С. 87–92.

5. Рожкова, М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора / М. А. Рожкова. — М.: Волтерс Клувер, 2006. — 416 с.

References

1. Institut tretejского razbiratel'stva v Rossii: mnenie juridicheskogo soobshhestva [Arbitrage Process Institution In Russia: Juridical Community Opinion]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114500>

2. Letuta, T. Commercial Arbitration as a Civil Society Institution / T. Letuta // Young Scientist USA. Social science. — 2014. — С. 98–102. — URL: <http://www.youngscientistusa.com/pdf/Book2.pdf>

3. Letuta, T. V. Kommercheskij arbitrazh v Rossii: tendencii pravovogo regulirovanija [Commercial Arbitration in Russia: Tendencies of Legal Regulation] // Scholar Notes of Tambov Region Branch of Russian Young Scientists Union / editor in charge A. V. Kuz'min. — Тамбов: Izdatel'skij dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2013. — P. 87–92.

4. Rozhkova, M. A. Sredstva i sposoby pravovoj zashhity storon kommercheskogo spora [Means and Options of Legal Defense of Commercial Conflict Parties] / M. A. Rozhkova. — М.: Volters Kluver, 2006. — 416 p.

5. Vasin, G. N. Pravovaja kul'tura, ee rol' i mesto v politicheskoy sisteme sovremennoj Rossii: avto-ref. dis. ... kand. polit. nauk [Legal Culture, It's Role And Position in Political System of Modern Russia: dissertation abstract by Candidate of Juridical Science] / G. N. Vasin. — М., 2007. — 25 p.